

Мурадханова Теллиханум Исмихановна, Казбеков Артур Казбекович

**ОТНОШЕНИЯ ПО ЧИСЛУ МЕЖДУ ОДНОКОРЕННЫМИ СЛОВАМИ В
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА)**

В данной статье рассматриваются отношения между формами единственного и множественного чисел однокоренных слов в гнезде лезгинского языка, которые могут быть грамматическими и лексико-семантическими, не нарушающие тождества слова. Но у вторичной формы множественного числа возникает значение сложносоставного объекта, т.е. значение множественного числа вообще. Происходит десемантизация флексии множественного числа -ар. Это и дает основание говорить о словообразовательных отношениях по числу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-4/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. IV. С. 151-154. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

соответствующие рекомендации по использованию справочной литературы. В частности, для практической работы можно порекомендовать «Орфоэпический словарь русского языка» Н. И. Новинской (2009) [3], «Русское словесное ударение: словарь» М. В. Зарва (2001) [1], «Современный словарь-справочник по культуре речи для школьников и студентов» А. А. Евсютиной (2010) [5] и ряд других.

Подводя итог, можно сказать, что в настоящее время существует ряд проблем не только в усвоении орфоэпических норм в речевой практике носителей языка, но и в методике преподавания соответствующей темы в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи». Поэтому современный преподаватель-филолог активно занимается не только подбором и структурированием учебного материала по орфоэпическим нормам русского языка, но и поиском наиболее эффективных методов и приемов его подачи.

Список литературы

1. Зарва М. В. Русское словесное ударение: словарь: около 50 000 слов. М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2001. 600 с.
2. Культура устной и письменной речи делового человека: справочник-практикум. М.: Флинта; Наука, 2008. 315 с.
3. Новинская Н. И. Орфоэпический словарь русского языка. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 330 с.
4. Пупышева И. Н. Пределы и возможности языковой нормы: историко-культурный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30). Ч. 2. С. 173-176.
5. Современный словарь-справочник по культуре речи для школьников и студентов / сост. А. А. Евсютина. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2010. 352 с.

ORTHOEPIC NORMS OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE IN SCIENTIFICALLY METHODOLOGICAL ASPECT

Mistyuk Tat'yana Leonidovna
Novosibirsk State Technical University
bakatuha@mail.ru

The article gives the scientifically methodological analysis of the academic theme "Orthoepic Norms of the Russian Language" in the course "The Russian Language and the Culture of Speech", its topicality and subject matter are characterized. The specificity of proper orthoepic and accentological norms of the modern Russian language and some methodological principles of the organization of the learning material on the corresponding topic in the theoretical and practical aspects are revealed.

Key words and phrases: culture of speech; language norm; orthoepy; phonetics; orthoepic norms proper; accentological norms; stress; variants of stress; normative pronunciation of vowel and consonant sounds; orthoepic dictionary of the Russian language.

УДК 811.351.12

Филологические науки

В данной статье рассматриваются отношения между формами единственного и множественного чисел однокоренных слов в гнезде лезгинского языка, которые могут быть грамматическими и лексико-семантическими, не нарушающие тождества слова. Но у вторичной формы множественного числа возникает значение сложносоставного объекта, т.е. значение множественного числа вообще. Происходит десемантизация флексии множественного числа -ар. Это и дает основание говорить о словообразовательных отношениях по числу.

Ключевые слова и фразы: морфология; части речи; словообразование; словообразовательные гнезда; моделирование.

Мурадханова Теллиханум Исмихановна, к. филол. н., профессор

Казбеков Артур Казбекович, к. филол. н.

Дагестанский государственный педагогический университет

lady.javgarat@yandex.ru

ОТНОШЕНИЯ ПО ЧИСЛУ МЕЖДУ ОДНОКОРЕННЫМИ СЛОВАМИ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА)[©]

Главной задачей словообразования является описание модели образования совокупности однокоренных производных во всех формальных и содержательных аспектах. Внешним проявлением связей однокоренных слов является словообразовательное гнездо. «Реальность существования словообразовательных гнезд подтверждается воспроизводимостью, однотипностью связей производных разных частей речи, которые формально и семантически зависят от вершины гнезда» [2, с. 14].

Типы связи между производными словами повторяются от одного гнезда к другому, независимо от лексической и частеречной принадлежности однокоренных слов и независимо от их морфологического строения. То есть, типы связи между однокоренными словами являются средством выражения структуры словообразовательного гнезда.

При изучении вопроса о строении производного слова нельзя не использовать понятия и термины грамматики и морфологии.

Категории числа и падежа существительных лезгинского языка неотделимы друг от друга. На всей парадигме склонения имен есть противопоставление форм, выражающих единственное число, формам, выражающим множественное число.

В лезгинском языке показатели числа представлены флексийными морфемами: **-ар, -ер, -яр, -бур** и их вариантами: *тадарак* / «запас, заготовка» – *тадаракар* [5, с. 301] (*кIвалин тадаракар* / «домашнее имущество»); *шей* / «вещь» – *шейэр* [Там же, с. 383] / «вещи»; *техв* / «обух» – *техвер* [Там же, с. 313] / «обухи»; *тириш* / «чихание» – *тиришер* [Там же, с. 314] / «чиханья».

Отношения между формами единственного и множественного чисел могут быть грамматическими и лексико-семантическими. Грамматические отношения по числу имеют место в случаях, когда слово сохраняет свое значение (*ич* – *ичер* [Там же, с. 144] / «яблоки»; *нул* – *нулар* [Там же, с. 268] / «деньги»; *диде* – *дидеяр* [Там же, с. 112] / «матери»). Грамматический тип отношений по числу имеет место, когда значение множественного числа предсказуемо по значению единственного числа (*кака* / «яйцо» – *атIай какаяр* [Там же, с. 148] / «яичница»). Грамматическое множественное число выступает с обобщенным значением множества предметов независимо от их количества.

Семантически лезгинский язык противопоставляет использование формы ед. ч. формам мн. ч. в следующих случаях: *15 ич* [Там же, с. 144] / букв. «15 яблоко»; *5 гада* [Там же, с. 80] / букв. «5 мальчик». Называется предмет или предметы, количество которых точно известно. Употребляется форма ед. ч.: *гадаяр*; *ичер* «яблоки». Называются предметы, количество которых точно неизвестно. Известно, что предметов больше, чем один.

Отношения между *ич*–*ичер*, *диде* – *дидеяр* «мать – матери» являются словоизменительными, грамматическими.

Это не единственный тип отношений по числу. Приведем примеры, когда отношения по числу между однокоренными единицами осложнены семантически: ед. // мн. ч.:

лам // *ламар* < *лам* / «осел» – *ламар* [Там же, с. 221] / «козлы, подставка в виде бруса»;
тум // *тумар* < *тум* / «хвост» – *тумар* [Там же, с. 315] / «остатки»;
сур // *сурар* < *сур* / «могила» – *сурар* [Там же, с. 298] / «кладбище»;
кичI // *кичIер* < *кичI* / «страх» – *кичIерар* [Там же, с. 160] / «угрозы, шантаж»;
хинкI // *хинкIал* < *хинкI* / «галушка» – *хинкIал* [Там же, с. 346] / «кушание, хинкал»;
жигер // *жигерар* < *жигер* / «легкое» – *жигерар* [Там же, с. 121] / «легкие вместе с печенью и сердцем»;
кесиб // *кесибар* < *кесиб* / «бедняк» – *кесибар* [Там же, с. 156] / «бедные слои населения, беднота»;
жегьил // *жегьилар* < *жегьил* / «молодой человек» – *жегьилар* [Там же, с. 120] / «юноши и девушки, молодые люди»;
хемис // *хемисар* < *хемис* / «четверг» – *хемисар* [Там же, с. 344] / «поминальные жертвоприношения»;
ракъ // *ракъар* < *ракъ* / «железо» – *ракъар* [Там же, с. 272] / «капкан»;
кIвенкIв // *кIвенкIвер* < *кIвенкIв* / «острие» – *кIвенкIвер* [Там же, с. 215] / «передняя пара буйволов, напряженная в плуг»;
кьул // *кьулар* < *кьул* / «доска» – *кьулар* [Там же, с. 206] / «ставни»;
кьил // *кьилер* < *кьил* / «голова» – *кьилер* – *кIвачер* [Там же, с. 203] / «гольё»;
кIвач // *кIвачер* < *кIвач* [Там же, с. 214] / «нога»;
цIил // *цIилер* < *цIил* / «канат» – *цIилер* [Там же, с. 363] / «бахрома».

Специалисты не выработали единого подхода к фактам подобного рода. Разные исследователи лезгинского языка сходятся во мнении, что образования типа *ракъар* [Там же, с. 272] / «капкан», *сурар* [Там же, с. 298] / «кладбище» являются лексикализованными формами множественного числа [1, с. 79; 3, с. 56; 4, с. 145; 6, с. 53]. Однако одни из них характеризуют эти образования как «весьма близкие к *Pluralia tantum* слова», отрицая в то же время существование в лезгинском языке слов «*Singularia tantum*» [1, с. 79-80]. Другие признают наличие в лезгинском языке и *Pluralia tantum* и *Singularia tantum* [6, с. 56-59]. Свою интерпретацию подобных фактов предлагает Э. М. Шейхов [8, с. 37, 45], полагая, что в примерах *кьилер* [5, с. 203] – *кIвачер* [Там же, с. 214] / «гольё» аффикс множественности переосмысливается и квалифицируется в качестве словообразующего форманта. Мы разделяем его точку зрения и признаем **-ар(-ер)** словообразующими формантами. В лезгинском языке присоединение формы мн. ч. к существительному со значением несчитаемого объекта сигнализирует об изменении значения слова. В лезгинском языке слова с новым значением могут обозначать как считаемые, так и несчитаемые объекты:

ракъ / «железо» – *ракъар* [Там же, с. 272] / «капкан» (считаемые);
рагъ / «солнце» – *рагъар* [Там же, с. 270] / «теплота» (несчитаемые);
мичI / «темнота» – *мичIер* [Там же, с. 241] / «период ущербной луны» (несчитаемые).

Подобное явление происходит и при присоединении формы мн. ч. к существительному со значением считаемого объекта. Образуются новые слова со значением несчитаемого объекта (*сур* / «могила» – *сурар*

[Там же, с. 298] / «кладбище»; *тум* / «хвост» – *тумар* [Там же, с. 315] / «остатки»; *цIул* / «канат» – *цIулер* [Там же, с. 363] / «бахрома»). Нетрудно заметить, что множественное число считаемого существительного служит в качестве компенсационного средства выражения собирательного значения (*кесиб* / «бедный» – *кесибар* [Там же, с. 156] / «беднота») в лезгинском языке.

Из слов, у которых отсутствует грамматическая противопоставленность по числу, среди производных образований представлены существительные, мотивированные прилагательными:

яргъи / «длинный, долгий» – *яргъияр* [Там же, с. 404-405] / «излишние подробности»;

ширин / «сладкий» – *ширинар* [Там же, с. 385] / «сладости»;

жегъре / «алый» – *жегъреяр* [Там же, с. 120] / «сорт алых цветов», «алая пряжа».

В этой группе существительных показатель **-ар(-яр)** также является словообразовательным формантом, оформляющим лексико-грамматические отношения по числу в процессе словообразования.

В составе имен существительных нередко встречаются слова, которые при наличии форм ед. и мн. ч. по преимуществу употребляются в форме мн. ч.:

асунар [Там же, с. 51] / «побелка» (ед. ч. *асун* / «побелка»);

агалкъунар [Там же, с. 30] / «успехи» (ед. ч. *агалкъун* / «успех»);

сесер [Там же, с. 291] / «слух, молва» (ед. ч. *сес* / «голос»);

вязер [Там же, с. 79] / «нотации, проповеди» (ед. ч. *вяз* / «проповедь»);

къинер-агътер [Там же, с. 205] / «клятвы и обещания» (ед. ч. *къин* / «клятва, присяга»).

Для некоторых существительных формы мн. ч. являются предпочтительными в связанных словосочетаниях (*асунар авун* [Там же, с. 51] / «белить»; *вязер ахъаюн* [Там же, с. 79] / «читать нотации»; *сесер чукIурун* [Там же, с. 291] / «распространять молву»; *къинер-агътер къун* [Там же, с. 205] / «давать клятвы, клясться»). Подобные примеры позволяют говорить о лексико-семантическом типе отношений по числу в лезгинском языке.

Ряд ученых считает число словообразовательной категорией. Для других ученых число не является словообразовательной категорией. Мы считаем, вслед за П. А. Соболевой, что существуют разные типы отношений по числу: «грамматические, лексико-семантические, словообразовательные» [7, с. 167].

Лексико-семантический тип отношений по числу имеет место тогда, когда между формами ед. и мн. ч. различие в значении непредсказуемо, но семантически выводимо из единственного: *кам* / «шаг» – *камар вегъин* [5, с. 149] / «начать ходить (о ребенке)»; *кап* / «кисть руки» – *капар ягъун* [Там же, с. 150] / «аплодировать». В этих и подобных примерах парадигма числа обычна *кап // капар* (ед. // мн. ч.). Между тем форма мн. ч. по значению отличается, хотя и семантически выводима из ед. ч. Здесь живая метонимическая связь (действие – результат действия). Она не позволяет говорить о распаде тождества слова и образовании омонимов. Важно то, что семантическая связь между *кап // капар – капар ягъун* [Там же] непредсказуема (ср.: *сур // сурар* / «могилы» – *сурар* [Там же, с. 298] / «кладбище»).

И грамматический, и лексико-семантический тип отношений по числу не нарушают тождества слова, но у вторичной формы множественного числа (*сурар* / «кладбище») возникает значение сложносоставного объекта, т.е. значение множественного числа вообще. Происходит десемантизация флексии множественного числа **-ар**. В данном случае имеется основание для того, чтобы говорить о словообразовательных отношениях по числу.

«Средством словообразования служит конверсия, ибо происходит изменение полной парадигмы числа на ущербную» [7, с. 173]. При этом сохраняется выводимость значений двух форм мн. ч. от значения слова в ед. ч. Модель связи словоформ выделяет дополнительный деривационный шаг:

↓ *кап – капар* [5, с. 150] / «кисть руки // кисти» ↓ *сур – сурар* / «могила – могилы» [Там же, с. 298];

капар ягъун [Там же, с. 150] / «аплодировать» ↓ *сурар* [Там же, с. 298] / «кладбище».

Но поскольку между однокоренными единицами сохраняется опосредованная связь значений, то рассматриваемые случаи мы отнесем к словообразовательной полисемии, которая укладывается в несколько основных типов семантических отношений в гнезде однокоренных слов в лезгинском языке:

1) связь значений производного через одно значение производящего (*кап – капар ягъун* [Там же, с. 150]);

2) связь значений производного более чем через одно значение производящего (*гунагъ* / «грех, вина» – *гунагъкар* [Там же, с. 89] / «грешный, виновный»);

3) связь значений производного с вершиной гнезда и с другим однокоренным словом: *гъилле* [Там же, с. 102] / «хитрость», «нерадивость» – *гъиллебаз*, *гъиллебазвал* / «нерадивость», «хитрость».

К явлениям словообразовательной полисемии мы относим и лексикализацию отношений по числу у производных имен существительных (*сур // сурар – сурар* [Там же, с. 298], *гада // гадаяр – гадаяр* [Там же, с. 80], *лам // ламар – ламар* [Там же, с. 221]).

Все перечисленные типы отношений производности служат активным источником расширения словарного состава лезгинского языка.

Итак, в данной статье рассмотрены отношения производности в гнезде однокоренных слов, которые связаны с изменениями парадигмы. Если тип отношений по числу не нарушает тождества слова (*сур // сурар* / «могилы»), но значение слова указывает на десемантизацию флексии множественного числа (*сура* / «кладбище»), то имеется основание говорить о словообразовательных отношениях по числу, которые следует отнести к словообразовательной полисемии.

Список литературы

1. Гайдаров Р. И. О категории числа в лезгинском литературном языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. С. 78-83.
2. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979. 264 с.
3. Жирков Л. И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941. 131 с.
4. Загиров В. М. Словообразовательные суффиксы имен существительных в языках восточно-лезгинской подгруппы // Вопросы словообразования дагестанских языков. Махачкала, 1986. С. 144-149.
5. Лезги чIалани урус чIалан словарь (Лезгинско-русский словарь) / сост. Б. Талибов, М. Гаджиев; по ред. Р. Гайдарова. М.: Советская энциклопедия, 1966. 603 с.
6. Мейланова У. А. Основные вопросы формирования и функционирования категории числа в лезгинском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. С. 52-59.
7. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1989. 336 с.
8. Шейхов Э. М. О некоторых особенностях образования сложных глаголов лезгинского языка // Мат-лы XIII регион, науч. сессии по ист.-сравн. изуч. ибер.-кавказ. яз. Майкоп: Полигр. и книготорговое объединение «Адыгя», 1993. 199 с.

**RELATIONS BY THE NUMBER BETWEEN PARONYMS IN THE FAMILY OF WORDS
(BY THE MATERIAL OF THE LEZGIAN LANGUAGE)**

Muradkhanova Tellikhanum Ismikhanovna, Ph. D. in Philology, Professor
Kazbekov Artur Kazbekovich, Ph. D. in Philology
Dagestan State Pedagogical University
lady.javgarat@yandex.ru

The article examines the relations between the forms of singular and plural numbers of paronyms in the family of words of the Lezgian language, which may be grammatical and lexico-semantic, not breaking the word identity. But a secondary form of a plural number obtains the meaning of a composite object that is the meaning of a plural number in general. The desemantization of inflexion of the plural number *-ap* takes place. Thus it is reasonable to say about word-formative relations by number.

Key words and phrases: morphology; part of speech; word formation; family of words; modeling.

УДК 811.512.145

Филологические науки

В данной статье рассмотрены прозвища в диалектной речи территории распространения пермского говора татарского языка. Выделены основные группы прозвищных имен, проведен их семантический и отчасти словообразовательный анализ, приведены некоторые выводы по итогам сопоставлений употребления современных местных прозвищ с применением прозвищных имен XVII-XVIII вв.

Ключевые слова и фразы: антропоним; пермский говор; семантический анализ; прозвища; диалектная лексика.

Мухаева Замиря Ахнабовна, к. филол. н.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (филиал) в г. Лысьва
muhaeva@lf.pstu.ru

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЗВИЩА В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ ТЕРРИТОРИИ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПЕРМСКОГО ГОВОРА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА ©**

Прозвища имеют широкое применение в современной диалектной речи. Их изучение важно для истории древнетюркских собственных имен, выяснения их судьбы в истории татарского языка и татарского народа, а также для разрешения проблемы называния вообще. Хотя современные прозвища и привлекали внимание исследователей, этот слой лексики изучен еще недостаточно [8].

В связи с этим значительный интерес приобретает изучение прозвищ в диалектной речи, например, речи Лысьвенской земли.

Наблюдения за практикой использования прозвищ на этой территории дают возможность выделить основные группы прозвищных имен, провести их семантический и отчасти словообразовательный анализ, а также сделать некоторые выводы по итогам сопоставлений употребления современных местных прозвищ с применением прозвищных имен в памятниках письменности XVII-XVIII вв.

Среди современных местных диалектных прозвищ выделяются три основные группы: 1) прозвища, относящиеся к отдельным лицам, – личные прозвища; 2) прозвища, относящиеся к отдельным семьям, – семейные прозвища; 3) прозвища, относящиеся к жителям некоторых населенных пунктов в целом [6].